

Когда Анзору Царнаеву - отцу Тамерлана и Джохара, подозреваемых в организации взрывов в Бостоне, задали вопрос, как они могли совершить такое преступление, он заявил, что они не были на такое способны.

«Мои сыновья мягкие, - сказал он. – Они как девочки».

Я работаю с беженцами из Чечни практически десять лет и, исходя из опыта общения с ними, мне стало интересно, как часто эти двое парней слышали такие сентиментальные высказывания за время своей, очевидно, неблагополучной жизни в Бостоне.

Слыша подобные замечания каждый день, любой молодой человек осознавал бы, что в нем нет характеризующих у чеченцев «настоящих мужчин» качеств - гипер-мужественности, резкой напористости и способности «показать кто здесь главный».

Десятки тысяч чеченских мальчиков сейчас растут в очень больших новообразованных диаспорах. И такие слова из уст старших лишают их возможности на достижение счастья и успешной интеграции в их новые дома.

Когда мы создали Chechnya Advocacy Network, то прежде чем решить, что нам делать, мы решили внимательно прислушаться к нуждам людей из Чечни. Тем самым мы оградили бы себя от осуществления, исполненных благих намерений, но чужеродных для них программ.

Еще до того как у нашей организации появилось название, меня попросили оказать содействие по сложному делу беженцев в Европе и таким образом я познакомилась с реальностью чеченской диаспоры. С того самого момента эти просьбы не прекращаются.

Мне пришлось быстро ознакомиться с законами европейских стран о предоставлении статуса беженца и сложными регуляциями на уровне Евросоюза и в Соединенных Штатах. Я стала участником и наблюдателем часто болезненных, иногда трагических и подчас поразительных историй интеграции и строительства новой жизни этими иммигрантами.

На мой взгляд, миграция, это то, что на самом деле стоит за историей Царнаевых.

По ряду причин, по большей части просто из-за географического расположения и связей с увеличивающимся числом прибывающих родственников, основная часть чеченской диаспоры в Европе сосредоточена в Австрии, Франции, Бельгии, Германии, Норвегии и Польше.

В Европе проживают больше 100 000 чеченцев. Мы знаем об этом с достаточной уверенностью, так как, хотя ООН и правительства учитывают новоприбывших, как граждан России, а не по их этнической принадлежности, принимающие беженцев благотворительные организации и правительственные агентства говорят нам, что 90 или более процентов, приезжающих из России, являются чеченцами. Или, скорее всего, они

являются этническими чеченцами, хотя некоторые из них могли не жить в Чечне до переезда в Европу.

В Соединенные Штаты для получения статуса беженца из России приезжают люди разных национальностей и здесь этнических чеченцев не так уж много. Мы, почти в течение десяти лет, пытались установить их количество, но и сейчас, подсчитать сколько здесь проживает семей из Чечни, мы можем только по экстраполированным данным. Мы думаем, что в США живет менее одной тысячи чеченцев.

В США нескончаемый поток чеченских мигрантов движется более 20 лет. В Европе число новоприбывших достигло наивысшей отметки в 2003 году – после окончания обеих чеченских войн.

В Соединенных Штатах нет компактных чеченских анклавов и сетей, с которыми можно поговорить. Большинство из них предпочитают держаться подальше от остальных чеченцев. По этой причине их сложнее сосчитать и это также многое говорит о диаспоре в США.

У всех беженцев есть свои собственные причины для миграции и личный багаж мотивов, потребностей и целей.

Чеченские беженцы могут представлять разные концы политического спектра или быть где-то в его середине, что делает их встречи в изгнании затруднительными и даже опасными. Они могут быть представителями образованной элиты или неграмотными сельскими жителями. Возможно, они едва остались живы и приехали напуганными и травмированными, с телами, покрытыми следами пыток, оставив за собой бесследно пропавших братьев и сыновей. Или они могут быть приспособленцами, жизнь которых никогда не была затронута множественными беспорядками в Чечне.

Их происхождение и мотивы не служат основанием для предположений о том, насколько хорошо они будут жить в изгнании. Миграция переворачивает все с ног на голову.

Крупная чеченская диаспора, как и любая другая, одну за другой создает истории успеха быстрой интеграции, самореализации и проявления талантов при раскрывающихся возможностях.

Большинство живет очень скромно, иногда им приходится тяжело и они практически не могут самореализоваться, но они живут в спокойствии и безопасности, надеясь на то, что хотя бы их дети смогут жить лучшей жизнью.

Но есть и темная сторона. Но я категорически не имею в виду угрозу терроризма, потому что даже после Бостона ничего не указывает на то, что среди эмигрантов этой национальности она выше, чем среди других.

Я имею в виду, что вместо перенятия социального поведения, ценностей и убеждений, у многих молодых чеченцев происходят стычки с принимающими общинами из-за неудач и разочарований, отчужденности и чаще всего из-за жизней, погубленных саморазрушительным поведением.

Социальное поведение и убеждения, которые я имею в виду, частично относятся к тому, что достаточно легко понять – непомерная мужественность, то, как «настоящий мужчина», «настоящий чеченец» должен вести себя и отношение, которого он ожидает от других.

Еще один, но более сложный компонент – это децентрализованная персонализированная система, посредством которой чеченская община соблюдает свои традиции.

Каждый мужчина и клан, к которому он принадлежит, являются судьей, присяжными и исполнителями наказания в своих собственных делах. Люди защищены от насилия только имплицитной гарантией того, что мужчины-родственники и, в случае необходимости весь клан, будут за них мстить.

Чужаки, за которыми не стоит клан, могут быть подвергнуты нападениям или оскорблены без каких-либо значимых последствий. Это модель значит, что каждый «настоящий мужчина» будет оцениваться тем, насколько достоверно он сможет внушать страх и совершать насилие.

Комбинация двух этих составляющих губительна для успешной интеграции многих молодых чеченцев, особенно в Европе, где из-за большой численности они живут в компактных поселениях, в которых их традиционные убеждения постоянно укрепляются.

Мальчик, воспитывающийся у себя дома или в изгнании, будет слышать как взрослые безрассудно, необдуманно и постоянно будут говорить о том, каким должен быть чеченский мужчина и что он должен делать. Он должен быть сильным; он должен добиться уважения от всех и не допускать пренебрежительного отношения; он должен контролировать «свою» женщину или он лишится уважения; он должен построить дом, посадить дерево и родить сына. У него должен быть большой автомобиль, и он должен демонстрировать богатство. Он должен быть лучше других.

«Уважение» здесь значит нечто совершенно отличающееся от эгалитарной вежливости, которую на западе каждый должен проявлять по отношению к другим людям. Для мужчины это значит восхищение, уважение и послушание со стороны тех, кто стоит ниже его, например женщин или молодых людей и соответствующее отношение к нему со стороны сверстников.

Если девочки в классе не замолкают, когда разговаривает чеченский мальчик или учительница не встает, когда его отец входит в комнату, мальчик может почувствовать, что привычный порядок нарушен и это может вызвать в нем ярость.

Если новоприбывший беженец едва говорящий на языке и не обладающий навыками необходимыми для того, чтобы найти работу, понимает, что спустя годы мечты о доме и машине не могут осуществиться, что он не может создать семью и заботиться о своих родителях так, как его учили всю жизнь, должен делать чеченский мужчина – он может почувствовать, что иностранное общество отказало ему в том, на что он имеет право, и оно не оценило его. Он может попытаться добиться этого более быстрым способом

- совершив преступление или играя в азартные игры. В результате это принесет ему больше разочарований и неудач.

Статистика Австрии - страны в которой проживает самая крупная чеченская община в Европе является поразительной, если не непонятной.

В соответствии с ответом, который в 2011 году министерство внутренних дел Австрии дало на запрос парламента, 1681 соискателей статуса беженца из России были подозреваемыми в одном или более уголовных расследованиях за 2010 год. На тот момент, почти 90 процентов этих соискателей статуса беженца были родом из Чечни.

Люди классифицируются как соискатели статуса беженца только в период после их приезда в страну. В Австрии он длится не более одного-двух лет.

Даже если мы предположим, что «соискатель статуса беженца» относится ко всем 9,317 людям, которые приехали в страну за предыдущие три года, это будет означать, что за три года или даже меньший срок проживания в Австрии, в совершении преступлений подозревались 18% от их общего числа.

Эти ошеломляюще высокие показатели не просто подрывают авторитет чеченцев среди полиции и на страницах таблоидов. Признание виновным в совершении преступления имеет самые плачевные последствия и для самого молодого мигранта. Он не сможет обучиться какому-либо ремеслу или найти работу, и он никогда не сможет стать гражданином Австрии.

Несколько лет назад в тихой, не очень многолюдной части центральной Венны - Маргаретене была задержана банда чеченских школьников, члены которой, угрожая карманным ножом, отбирали у жителей наличность и мобильные телефоны.

Или, представитель этого же потерянного поколения, написал в онлайн-дискуссии о хорошо организованном группой молодых чеченцев нападении на ночной клуб в Бельгии: «Мы с самого начала должны были задать хорошую трепку тем арабам и всем остальным, чтобы они боялись и уважали нас».

Я встречалась с семьями чеченских мигрантов, которые, оказавшись за границей, инстинктивно переключились и которые поняли, что предоставление детям подобной информации не будет благоприятно для них в их новых домах. Но они, вероятно, находятся в меньшинстве.

Несмотря на назойливое освещение в СМИ мы можем только догадываться о том, какой была семейная жизнь Царнаевых. Но вероятно все согласны с тем, что вдохновитель взрывов Тамерлан Царнаев был подвигнут сильным чувством отчужденности и злости, которые так вскипали в нем, что он был склонен к вспышкам гнева дома и даже в мечети.

Мы также знаем о том, что его семья приуменьшала или закрывала глаза на его нелады с законом. По всей видимости на пути к успеху и «уважению» они культивировали сильное чувство материализма и физической силы, таким образом создавая у молодого человека чувство неполноценности и

разочарования после того как его карьера боксера не стала развиваться по запланированному пути.

Вероятно, в диаспоре есть сотни и даже тысячи молодых чеченцев, которые сталкиваются с теми же проблемами, что и Тамерлан Царнаев, вплоть до тупика в боксерской карьере. Не в состоянии примирить оказываемое дома давление и традиционные убеждения с новым окружением, разочарованные тщетными попытками утвердиться в статусе настоящих чеченских мужчин, они могут оказаться в тупике на пути к успеху, или склониться к радикализации, потому, что она позволит им чувствовать себя важнее и выливать свой гнев на других.

Но только испытание этих же трудностей не значит, что они когда-нибудь совершат преступление, не говоря уже о теракте. Так поступит только незначительное меньшинство – двое братьев из более, чем стотысячной диаспоры.

Выделение чеченцев по этнической принадлежности, было бы совершенно контрпродуктивно. К счастью, нет указаний на то, что это происходит в США или других принимающих странах.

В нашей сети мы вынесли из этого дела одно заключение – не надо игнорировать чувство отчуждения в сообществе, нужно вести воспитательные беседы с молодыми людьми, с которыми нам приходится встречаться, надо говорить о том, как нужно воспитывать и общаться с мальчиком, чтобы он стал мужчиной и дома и в изгнании.